

НАДЕЖДА
ОБРЕТЕННАЯ И ИЗОБРЕТЕННАЯ

Сергей Шевченко

Сергей Шевченко

НАДЕЖДА
ОБРЕТЕННАЯ
И ИЗОБРЕТЕННАЯ

Институт философии РАН

Сергей Шевченко

НАДЕЖДА ОБРЕТЕННАЯ И ИЗОБРЕТЕННАЯ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ
И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
БИОТЕХНОЛОГИЙ

Прогресс-Традиция
Москва
2020

ББК 87.3(2)6
УДК 001.8:5
Ш 37

Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН

Рецензенты: доктор философских наук Каримов А.Р.
доктор философских наук Киященко Л.П.

Шевченко С.

Ш 37 Надежда обретенная и изобретенная. Эпистемология добродетелей и гуманитарная экспертиза биотехнологий. – М.: Прогресс-Традиция, 2020. – 336 с.

ISBN 978-5-89826-586-1

Столетие назад ученые впервые попытались приручить вирусы для борьбы с бактериальными инфекциями. И по сей день вирусы не только отказываются подчиняться, но и выказывают все большее своеволие. Однако и терапия вирусами применяется сейчас в самых сложных случаях. Что же позволило ученым больше века возиться с непокорными и поначалу невидимыми сущностями? Ответ, предлагаемый в этой книге, гласит: «эпистемические добродетели». Центральное место среди них занимает надежда, обретенная исследователями. Она позволяет создавать технологии, иногда помогающие преодолеть ситуации, которые выглядят безвыходными. С разработкой таких технологий люди часто связывают «изобретенные надежды», все больше влияющие на общественную жизнь. Именно поэтому надежды могут стать одним из основных объектов гуманитарной экспертизы формирующихся технологий.

На переплете: В оформлении использованы фрагменты гравюры Питера Брейгеля Старшего «Умеренность» из цикла «Семь добродетелей».

1560. Королевская библиотека, Брюссель

© С. Шевченко, автор, 2020
© И.В. Орлова, оформление, 2020
© Прогресс-Традиция, 2020

ISBN 978-5-89826-586-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 8

1 НАДЕЖДА ОБРЕТЕННАЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ 19

глава 1.

Надежда на помощь вирусов.

Фаговая терапия 21

Расцвет и несостоявшийся упадок фаговой терапии • 21;
Изменчивость бактерий и нестабильное положение
эпидемиологии • 27; Вспышки эпидемий и «экология»
бактериофага • 33; Орудия неизвестным: вирусная
природа бактериофага как технологическое и
медицинское допущение • 39; Выздоровевшие чудом:
механизмы действия фаготерапии • 46; Итоги . • 55

глава 2.

Эпистемические добродетели,

научное исследование и технический прогресс 58

Эпистемология добродетелей и трюки окружающей
действительности • 58; Познание как спортивная
стрельба и как охота • 66; Эпистемология исследования
Кристофера Хуквея • 69; Эпистемические пороки
по Кассиму Кассаму • 74; Аарон Кобб: сообщества
исследователей и эпистемология надежды • 84;
«Кофейный» аргумент Загзебски и ценность
исследовательских результатов • 94; «Расширенная
эпистемология» и значение прогресса в науке
и технике • 99; Итоги • 105

глава 3.

Надежда на других и надежда с другими.

Коллективные исследовательские добродетели..... 107

Введение • 107; Продуктивное высокомерие математиков: обретенная и изобретенная надежда • 113; Эпистемический вклад и эпистемическая заслуга • 121; Материальность без поворота к материальному • 131; Различая надеющееся сообщество и коллективный субъект познания • 138; Типология эпистемических коллективов и надеющееся сообщество • 140; Коллективные и индивидуальные убеждения и надежды • 148; Итоги • 152

глава 4.

Справляясь с нестабильностями.

Надежда и способности других..... 154

Надежда на что или на кого? • 154; Возможности, заключенные в понятии возможности (capacity) • 158; Юмовская причинность и приговоры исследователям бактериофага • 165

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Контрфактуалы.

Опыт аналитики и метафизики надежды 174

2 НАДЕЖДА ОБРЕТЕННАЯ

КАК ЭКСПЕРТИЗЕ

СТАТЬ ГУМАНИТАРНОЙ? 197

глава 5.

Экспертиза как опыт пребывания

с проблемой..... 199

«Обживание» новых технологий • 199; Возможность экологического взгляда и пребывание с проблемой • 206

глава 6.

Экспертиза для надежды..... 214

Измерения «медицинской» надежды • 214; Качество жизни • 217; Данные о страдающих телах • 221; Данные о клинической и экономической эффективности лекарств • 225; Регуляторная стабилизация факта и признание надежды • 229; Групповые убеждения и допущения • 235; Экспертные добродетели и допущение надежды • 237

глава 7.

Экспертиза против надежды..... 242

Спор об эквивалентности в суде • 244; Публичные и профессиональные дискуссии о дженериках • 247; Легитимация и воспроизводство применения технологического артефакта • 253; Корабль Тесея, первичные и вторичные интенционалы • 258; Иерархия онтологий • 264; Экспертное знание и разделение лингвистического труда • 268; Экспертиза в биомедицине и эпистемические добродетели • 274

ПРИЛОЖЕНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Опыты надежды в самоизоляции..... 278

Опыт 1. Разрыв между определяемым и действующим..... 278

Опыт 2. Надежда на технологию и феноменология не-одиночества..... 297

Список литературы..... 316

Благодарности..... 332

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слово «надежда» имеет множество значений, но в этой книге я остановлюсь только на двух, которые называю «обретенной надеждой» и «изобретенной надеждой». Оба эти значения связаны с важными направлениями развития двух философских традиций: эпистемологии добродетелей и философии гуманитарной экспертизы. Следуя этим традициям, я пишу о главной проблеме книги – о роли надежды в научно-техническом исследовании и в оценке результатов такого исследования. Надежда, обретенная учеными, занимавшимися созданием антибактериальных средств на основе вирусов-бактериофагов в первой половине XX века, позволила этой линии развития биомедицинских технологий преодолеть внешние вызовы и справиться с нестабильным характером

Предисловие

самых вирусов. Созданные в результате технологии стали источниками надежд для многих больных тяжелыми бактериальными инфекциями. Надежды на нестабильно работающие технологии могут стать – и зачастую уже становятся – столь же важным аспектом экспертной оценки технологий, как и связанные с их применением риски. Ни одна из этих составляющих не может быть сброшена со счетов, и ни одна из них не отрицает другую.

Сегодня тематика надежд на технологию в условиях нестабильности биологических или экологических систем – одна из наиболее обсуждаемых в мире. В этой связи философское исследование этих вопросов кажется особенно актуальным.

Эта книга преследует три основные цели. Во-первых, предложить казус развития терапии бактериофагами в 1920–40-х годах в СССР для рассмотрения в рамках философии науки и социальных исследований науки и технологии (STS). Россия и по сей день остается одним из мировых лидеров в области использования вирусов-бактериофагов для лечения инфекций, нечувствительных к антибиотикам. Возможно, это удалось потому, что уже столетие назад разработчики фаговой терапии выступили предвестниками постнеклассической науки. Свои главные надежды они возлагали на саморазвивающийся характер взаимоотношений иммунной системы человека и вирусов-бактериофагов. Сами вирусы, о структуре которых тогда было известно крайне

Предисловие

мало, уже воспринимались создателями фаговой терапии как «человекообразные» объекты. Работа с ними потребовала от исследовательских коллективов проявлять качества, которые кажутся актуальными и в рамках сегодняшней биотехнологии.

Во-вторых, в книге значительное внимание уделено важным для исследователей интеллектуальным добродетелям и показано, что надежда занимает особое место среди других качеств познающего индивида или коллектива. Для изучения таких качеств в книге используется ресурс эпистемологии добродетелей – относительно молодого¹, но уже заработавшего серьезный авторитет направления современной философии. Эта линия аналитической эпистемологии была избрана мной не только из-за ее бурного развития в последние годы. Происшедшая в рамках эпистемологии добродетелей смена фокусировки с вопроса «Что такое знание?» на «Как возможно достичь эпистемических благ?» сближает ее и с классической философией науки, и с проблематикой гуманитарной экспертизы научно-технических инициатив. Не случайно, зародившаяся в рамках этой традиции эпистемология исследования (inquiry epistemology) – в книге среди прочих пред-

¹ Историю современной эпистемологии добродетелей принято отсчитывать от статьи Эрнеста Сосы: *Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // Midwest Studies In Philosophy. 1980. Vol. 5. No. 1. P. 3–26.* Более детальный обзор этой традиции приведен во второй главе книги.

Предисловие

ставлен и ее авторский вариант – в последние годы привлекает внимание все большего числа современных философов¹. Именно в рамках этой линии рассуждения я пытаюсь продемонстрировать, что исследовательская надежда дает возможность проявиться всем остальным эпистемическим добродетелям, стабилизирует коллективный субъект познания и, наконец, позволяет работать с изменчивыми объектами вроде вирусов-бактериофагов. При этом под надеждой, обретенной исследователями, я понимаю не столько некий позитивный сценарий, сколько возможность и желание познающего агента положиться на способности других. Среди примеров таких способностей вполне ожидаемо есть интеллектуальные качества коллег-ученых, но, кроме того, и возможность терапевтически применяемых вирусов-бактериофагов «узнавать» патогенные бактерии, приспосабливаться к меняющимся условиям человеческого организма. Такая обретенная исследователями надежда продолжает жить в их изобретениях, распространяясь вместе с технологией.

¹ См., например, наиболее свежие статьи, ориентированные на толкование исследования как важного эпистемологического понятия: *Pritchard D. Ignorance and inquiry // American Philosophical Quarterly. 2019 Jul 17. (forthcoming); Miracchi L. A case for integrative epistemology // Synthese. 2020. (forthcoming).* При этом под «исследованием» большинство авторов понимает самый широкий спектр познавательных практик и процедур, зачастую не имеющих прямого отношения к науке, что вполне соответствует традициям англоязычной эпистемологии.

Предисловие

Соответственно, в-третьих, в книге поставлен вопрос об отношении гуманитарной экспертизы к такой воплощенной в технических артефактах надежде. Экспертам, занятым поиском и минимизацией социальных и гуманитарных рисков¹, не стоит упускать из виду и надежды людей на определенную технологию. Ведь эти надежды имеют самостоятельное гуманитарное значение. При этом важно, что существование таких надежд не противоречит актуальному научному знанию и они в большей степени вызваны к жизни конкретным изобретением – пусть еще требующим доработки, а не исключительно распространяемым по медийным каналам ожиданием научного прорыва. В качестве примеров такой «изобретенной» надежды в книге фигурирует современный опыт использования фаговых препаратов для лечения инфекций, с которыми не способен справиться ни один из имеющихся антибиотиков. Но гораздо подробнее рассмотрен казус одобрения медицинскими экспертами нестабильно действующего иммунотерапевтического препарата, при том что никакое другое средство не могло дать надежду на столь долгую ремиссию при онкологических заболеваниях.

Книга состоит из двух частей. В первой из них, посвященной надежде, обретенной исследователями

¹ О способах понимания и работы с такими рисками в рамках биоэтики и гуманитарной экспертизы см. книгу: *Беляетдинов Р.Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ*. М.: Изд-во МосГУ. 2019. С. 160.

Предисловие

ским коллективом, решаются первые две из трех описанных выше задач. Во второй – исследуются те значения, которые в рамках гуманитарной экспертизы могут приобретать надежды, возлагаемые на изобретения. Эти части отличаются не только по предметам рассмотрения, но и по подходам, и по языку. Многие поднятые в книге темы могли бы быть исследованы и в другой оптике: например, рассматриваемая в третьей главе проблема стабилизации познающего коллектива может быть поставлена и на языке социальной теории, и в рамках берущей начало с работ Людвиг Флека программе социальных исследований науки и технологии, и в еще нескольких контекстах. Но именно язык эпистемологии добродетелей позволяет поставить вопрос о факторах, позволяющих отдельной исследовательской традиции прийти к существующим результатам, несмотря на внешнее давление и нестабильность исследуемых объектов. (Именно с такими проблемами сталкивались разработчики фаговой терапии.) Кроме того, такая постановка вопроса позволяет в поле философии науки пользоваться ресурсами современной эпистемологии. А главное, мне представляется важным поставить его в рамках русскоязычной философии, отталкиваясь от истории отечественной науки. Вторая часть книги посвящена надежде как фактору гуманитарной экспертизы биотехнологий. Она отталкивается от результатов первой главы: благодаря надежде, обретенной исследователями, стали воз-

Предисловие

можны изобретения, с которыми связаны надежды их потенциальных пользователей. Во второй части значительно меньше используется словарь эпистемологии добродетелей – традиция философствования на тему гуманитарной экспертизы, заданная текстами Бориса Григорьевича Юдина, подталкивает к экономии концептуальных ресурсов.

Однако комплексный характер рассматриваемых проблем налагает ограничение и на это стремление. Надежда, обретенная исследователем, создающим препарат на основе бактериофага, и надежда, питаемая «простым человеком» в отношении этого изобретения, всегда связаны друг с другом. Отчасти потому, что исследователь может быть таковым, если он не отбрасывает полностью факт того, что и он является «простым человеком»¹. Изобретенная надежда, питаемая последним, всегда может быть рассмотрена как продолжение надежды и других качеств коллективного или индивидуального познающего агента. Но при этом исследовательская надежда – готовность познающего положиться на способности человеческих и нечеловеческих агентов – обретается через предощущение изобретенной надежды, которую свяжет «простой человек» с результатом

¹ О роли фигуры «простака» в экспертном знании см., например: *Тищенко П.Д.* Трансдуктивность и эвристические ресурсы трансдисциплинарной парадигмы инноватики (казус проактивной медицины, ПМ) // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19: Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза. С. 147–159.

Предисловие

познания. В этом отношении интеллектуальные добродетели, даже будучи распределены среди членов исследовательского коллектива, всегда остаются «феноменологически конкретными» для них и для коллективного агента в целом.

Желание передать эту конкретность радостей и надежд исследования и было главной движущей силой при подготовке этой книги – тем, что объединяет все три цели, описанные в начале предисловия.

На обложке этой книги размещен фрагмент гравюры Питера Брейгеля Старшего «Умеренность» из серии «Семь добродетелей». Несомненно, художник имел в виду прежде всего моральные качества людей. Однако в подписи к этой работе он предостерегает нас и от «отвратительной жадности», заставляющей жить в темноте и невежестве, то есть описывает плоды эпистемических пороков. В разные эпохи исследовательская надежда была наиболее тесно связана с разными вещами: с познанием «всеобщей гармонии» во времена Брейгеля, и с преодолением безвыходных ситуаций на заре постнеклассической науки. Но, во-первых, эти исторически разнесенные смыслы могут оказаться ближе друг к другу, чем кажется. А во-вторых, лучшим антонимом для исследовательской надежды вне зависимости от эпохи мне хочется признать не лень по отношению к познанию, а именно заклеенную Брейгелем интеллектуальную скудность, заставляющую жить во тьме.

Предисловие

Для читателей, желающих выбрать свой маршрут чтения, более подробно остановлюсь на структуре книги. Первая глава «Надежда на помощь вирусов. Фаговая терапия» посвящена изложению истории фаговой терапии в СССР в первой половине XX века. К философскому обсуждению этого казуса я возвращаюсь на протяжении всей первой части книги. Вторая глава «Эпистемические добродетели, научное исследование и технический прогресс» содержит краткое введение в эпистемологию добродетелей и более подробный обзор возникшей в ее контексте исследовательской эпистемологии. В ее завершении предложена авторская версия эпистемологии исследования. В третьей главе «Надежда на других и надежда с другими. Коллективные исследовательские добродетели» акцент сделан на «всегда-уже» социальном характере эпистемической надежды. Там же я разрабатываю понятие «надеющееся сообщество» и провожу его сопоставление с концептом «коллективный субъекта познания». В четвертой главе «Справляясь с нестабильностями. Надежда и способности других» я исследую те методологические ресурсы, благодаря которым исследователи могут упорно возвращаться к разработке технологии, даже если все предыдущие попытки не позволили создать «стабильно работающий» артефакт. Само понятие «способности» (capacities), заимствованное у философа науки Нэнси Картрайт, я использую и в пятой главе «Экспертиза как опыт пребывания с пробле-

Предисловие

мой». В ней речь идет о том, что проблема, для решения которой не хватает эпистемических ресурсов, не может быть выведена за пределы экспертизы. В качестве одного из способов такого удержания внимания предложен «экологический взгляд» на развивающиеся биотехнологии. В шестой главе «Экспертиза для надежды» рассмотрен казус принятия регуляторного решения в сфере биомедицины, в рамках которого эксперты принимают во внимание и надежды, возлагаемые пациентами на нестабильно, но, подчас, крайне эффективно работающее средство лечения. В седьмой главе «Экспертиза против надежды» приведен противоположный пример – игнорирования «человекообразных» характеристик биомедицинской технологии.

Три приложения к первой и второй частям книги направлены на то, чтобы в эссеистичной форме раскрыть те интуиции, которые двигали мной при подготовке книги.